

Дрова в очаге с треском разорвали тишину и наконец разгорелись ярким пламенем.

Резкий хлопок сухого дерева отрезвил Хэ Чжэньшу. Он поспешно отошёл на шаг, чувствуя, как грудь тяжело сжимается от сбившегося дыхания.

"Ты... ты что..." - щеки пылали, голос дрожал, а язык чуть не прикусил от смущения. "Иди... готовь ужин. А я... я умоюсь".

Договорив, он даже не решился поднять глаза на Пэй Чанлиня — просто поставил миску на край стола и торопливо выскочил из кухни.

"А-Шу, я..."

Пэй Чанлин машинально протянул руку, будто хотел удержать его, но пальцы лишь задели край одежды, скользнув по ткани. Хэ Чжэньшу не оглянулся — быстро вышел во двор.

Пэй Чанлин опустил взгляд. В доме повисла короткая тишина, нарушаемая только мягким, почти неслышным вздохом.

К закату, когда тени начали удлиняться, Хэ Чжэньшу взял короб с ужином и отправился на поле — нести еду семье.

Теперь, когда он стал чаще общаться с соседями, дорога не проходила в молчании — кто-то обязательно окликал его, здоровался, спрашивал пару слов.

Только сам Хэ Чжэньшу отвечал рассеянно: мысли его всё ещё путались где-то между дымной кухней и тем слишком близким взглядом, от которого до сих пор горело лицо.

Ближе к закату лёгкий ветерок ласково колыхал воздух, но даже его прохлада не помогла Хэ Чжэньшу прояснить голову.

То, что только что произошло дома...

Пэй Чанлин ведь действительно хотел поцеловать его, не так ли?

Он прикусил губу. В памяти всё ещё стояло ощущение прохладного, сбившегося дыхания того человека, тонкий запах трав и свежего дерева, а главное — тот взгляд.

Горячий. Пронзительный.

Словно в нём пылало нечто, от чего невозможно укрыться, словно тот взгляд мог обжечь кожу.

Сердце снова забилося быстрее, и по щекам поднялся жар.

Но почему?..

Почему он не оттолкнул его?

Он столько лет учился у классиков, прекрасно знал, что «муж и жена должны соблюдать приличия, а посторонние — дистанцию».

И всё же, когда Пэй Чанлин приблизился, все рассудочные мысли будто вылетели из головы.

В тот миг его поведение... было почти что разрешением.

Он, кажется... вовсе не испытывал отвращения к этому чувству.

Щёки снова вспыхнули, и Хэ Чжэньшу со всей силы похлопал себя по лицу, заставляя перестать думать о глупостях.

Он ускорил шаг и вскоре вышел из деревни по узкой тропинке, петлявшей между холмов. За околицей тянулся каменный мост, соединяющий берега реки.

Последние дни в Сяхэ дождей не было, но уровень воды всё же поднялся на несколько дюймов. Рыб и креветок в реке стало заметно больше. Хэ Чжэньшу понимал — это признак того, что выше по течению начался подъём воды. Наверное, поэтому многие крестьяне в последние дни тоже начали собирать урожай, боясь затопления.

Крестьяне всегда чувствовали перемену погоды и уровня воды особенно остро — тем более, когда предупреждение пришло от семьи Пэй.

Хэ Чжэньшу перешёл мост и двинулся дальше вдоль реки.

Бескрайнее золотое море пшеницы колыхалось от ветра, и волны колосьев почти полностью скрывали согнутые фигуры тружеников в поле.

Пройдя немного, он вдруг заметил знакомый силуэт у обочины.

"Дунцзы?" - удивлённо окликнул он. "Что ты здесь делаешь?"

Впереди черноволосый худощавый парень держал в объятиях охапку пшеницы, складывая её на телегу, уже доверху набитую колосьями.

Кажется, он не сразу заметил приближение Хэ Чжэньшу; вздрогнув, обернулся:

"Невестка?"

И только теперь Хэ Чжэньшу увидел, что за его спиной стоит девочка — чуть выше ростом, тоже с охапкой колосьев в руках.

Это была младшая дочь старика Лю — Юньянь.

Когда Юньянь увидела Хэ Чжэньшу, она заметно растерялась — вежливо улыбнулась, но тут же быстро отвела взгляд, выглядя напряжённой и неуверенной.

Хэ Чжэньшу моргнул, слегка удивившись.

То, что эти двое были вместе, выглядело довольно странно.

Дунцзы жил в деревне уже больше десяти лет — нельзя сказать, что он чужак, но ему все еще не было восемнадцати лет и не получил собственного участка земли. А поле, возле которого они стояли, принадлежало семье Лю.

Юноши и девушки в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет уже считались взрослыми, и им следовало избегать лишнего общения, чтобы не было никаких слухов.

Если бы кто-то из односельчан увидел их вместе, наверняка пошли бы сплетни.

Наверное, именно поэтому Юньянь так боялась быть замеченной.

Она не осмеливалась смотреть Хэ Чжэньшу в глаза, торопливо сложила пшеницу из своих рук на телегу и, опустив голову, тихо сказала:

"Мне пора домой готовить ужин. Спасибо тебе за помощь сегодня... В другой раз я... я принесу тебе немного овощей".

Эти слова были сказаны Дунцзы. Тот почесал затылок и неловко предложил: "Юньянь, давай я помогу тебе отвезти телегу, она ведь такая тяжёлая".

Он уже хотел ухватиться за ручку повозки, но девушка быстро отстранилась:

"Н-не надо!"

Поняв, что это прозвучало слишком резко, Юньянь смутилась, её щёки покраснели. Она неловко пробормотала:

"Я сама справлюсь... Спасибо тебе".

Сказав это, не дожидаясь никакой реакции от присутствующих, она поспешно развернулась и покатила телегу прочь.

"Бежит так, будто за ней кто-то гонится..." - пробормотал Дунцзы себе под нос.

Хэ Чжэньшу отвёл взгляд и спросил:

"А почему ты вместе с Юньянь работаешь?"

"Да я помочь пришёл" - ответил Дунцзы. "У дяди Лю нога ведь ещё не зажила, а у них в поле только она одна жнёт пшеницу. Как она одна управится?"

Это действительно имело смысл.

Недавно дядя Лю сломал ногу — говорят, кости и сухожилия заживают сто дней. С тех пор прошло меньше месяца, так что в поле он, конечно, выйти не мог. У тётки Лю тоже слабое здоровье, тяжёлую работу делать не в состоянии — вот и пришлось всей семьёй положиться на одну девчонку.

Неудивительно, что Юньянь так рано вышла на жатву.

Хэ Чжэньшу снова спросил:

"Значит, это дядя Лю попросил тебя помочь?"

"Нет, я сам пришёл" - покачал головой Дунцзы. "Да только нельзя, чтоб дядя Лю узнал. Он ведь даже разговаривать не разрешает Юньянь со мной".

Хэ Чжэньшу молча замер, не зная, что сказать.

Лю Лаосань больше всего дорожил своей репутацией. Если сказать мягче — он просто оберегал честь дочери, но если честно — он боялся деревенских сплетен, что могут помешать Юньянь удачно выйти замуж.

Не только теперь, даже когда она была маленькой, он не позволял ей играть с мальчишками из деревни.

"Сестра Хэ, ты только никому не говори" - попросил Дунцзы. "Я ведь просто пожалел Юньянь, она одна в поле мается, вот и пришёл помочь. Если дядя Лю узнает, точно ноги мне переломает.

Хэ Чжэньшу покачал головой:

"Я не скажу".

Он вообще не любил сплетничать. К тому же, когда-то и сам не раз скрывал родимое пятно на лице и тайком бегал развлекаться, не придавая большого значения этим условностям о «приличиях между мужчиной и женщиной».

Но всё же напомнил:

"Сейчас в полях людей всё больше, будь осторожен, не дай Бог кто увидит".

"Знаю, — кивнул Дунцзы, - я только пару дней помогу, а потом, когда остальные начнут жатву, перестану приходить". Он почесал затылок и с улыбкой добавил:

"Да и некогда будет. Уже несколько дядей и тётушек спрашивали, не помогу ли я им с работой".

Из благодарности за то, что деревня Сяхэ приютила его, Дунцзы часто помогал соседям — кто ни позовёт, он никогда не отказывал. Большинство деревенских жили небогато: иной раз он трудился целый день за одну еду, а часто и вовсе без всякой платы.

Но он никогда на это не жаловался.

Наверное, просто потому, что был ещё слишком молод и не имел другого способа заработать себе на жизнь.

Хэ Чжэньшу тихо вздохнул, ничего не говоря, а потом спросил:

"Я сейчас иду отнести еду отцу и другим в поле. Хочешь пойти со мной домой поесть? Я закрою Дахэя (собаку).

Глаза Дунцзы сразу засветились:

"А ты сам готовил, невестка?"

"Нет" - честно ответил Хэ Чжэньшу. "Я не умею готовить. Это брат Пэй сделал".

Улыбка на лице Дунцзы на мгновение застыла.

Но Хэ Чжэньшу этого не заметил. Вспомнив о Пэй Чанлине, он невольно улыбнулся:

"Он хоть и недавно начал учиться готовить, но уже получается хорошо. Вкусно выходит. Хочешь попробовать?"

"Второй брат Пэй всё умеет" - с кривой улыбкой сказал Дунцзы. "Но я, пожалуй, не пойду. Вспомнил, что тётушка Ван звала меня сегодня к себе поесть. В другой раз попробую, что он там приготовил".

"Хорошо" - кивнул Хэ Чжэньшу. Тётушка Ван ведь живёт одна, ты навещай её почаще, когда будет время".

Тётушка Ван действительно была тем человеком в деревне, кто лучше всех относился к Дунцзы.

Хэ Чжэньшу знал, что когда-то, будучи беременной, она упала на поле и потеряла ребёнка. С тех пор больше не смогла забеременеть. Хотя виду не подавала, в душе наверняка всё ещё тосковала по утрате. Поэтому и относилась к Дунцзы, словно к собственному сыну — с добротой и теплом.

Дунцзы кивнул, попрощался с Хэ Чжэньшу и ушёл.

Хэ Чжэньшу посмотрел ему вслед — и вдруг ощутил лёгкое недоумение.

Почему ему показалось, что настроение Дунцзы внезапно упало? Это просто его воображение?..

Он не стал долго размышлять и продолжил путь к полям семьи Пэй.

После того дня отношения между Хэ Чжэньшу и Пэй Чанлинем словно чуть-чуть изменились.

Точнее говоря, Хэ Чжэньшу теперь просто не знал, как себя с ним вести.

А Пэй Чанлин, человек молчаливый и сдержанный, сам разговор начинать не стал — не умел он объясняться в таких вещах.

Не зная, как себя вести, Хэ Чжэньшу решил просто вернуться к работе в поле.

Теперь он приходил домой только в обед — чтобы забрать приготовленную еду и отнести её остальным.

"Сяо Шу? Сяо Шу!" - позвали его со спины.

Хэ Чжэньшу, задумчиво жавший серпом пшеницу, вздрогнул и выпрямился.

Он увидел, как Пэй Ланьчжи быстро идёт к нему.

"О чём задумался?" - спросила она. "Я тебя уже несколько раз звала".

"Прости, старшая сестра, не слышал" - смущённо ответил Хэ Чжэньшу, глянув на солнце.
"Похоже, уже время обеда, я как раз собирался идти домой за едой".

"Я не об этом" - остановила его Пэй Ланьчжи. "Осталось всего две му земли Отец сказал, на сегодня хватит, завтра закончим. Так что, если поедим пораньше, можно будет ещё сходить в соседнюю деревню и забрать ту партию пшеницы, что мы недавно отправляли молоть".

В Сяхэ мельницы не было, поэтому собранное зерно приходилось отвозить в соседнюю деревню — там его мололи в муку.

Немного муки оставляли для семьи, остальное шло на продажу или для уплаты налогов.

У семьи Пэй было двадцать му земли.

С учётом уборки, перевозки и сушки урожая, вся семья была занята почти половину месяца.

Теперь же работа подходила к концу, и спешить уже было не к чему.

Хэ Чжэньшу кивнул. Пэй Ланьчжи помогла ему связать только что сжатые пшеничные колосья и ловко подняла их в охапку.

"Пойдём" - сказала она. "К этому времени Чанлин, наверное, уже приготовил еду. Вернёмся домой обедать".

"Хорошо" - мягко откликнулся Хэ Чжэньшу.

Они пошли вдоль дороги. Пэй Ланьчжи украдкой посмотрела на него, стараясь говорить непринуждённо:

"Поссорились с Чанлином?"

Хэ Чжэньшу вздрогнул, поспешно замотал головой:

"Нет! Конечно, нет!"

"Всё у тебя на лице написано" - усмехнулась Пэй Ланьчжи, поправляя колосья в руках. "Что в этом такого? Между мужем и женой ссоры — обычное дело. Вот мы с твоим зятем тоже чуть не каждый день спорим. Чем больше ругаешься, тем крепче потом миришься — вот и всё".

Хэ Чжэньшу опустил взгляд, не зная, как объяснить.

Перед замужеством никто не учил её, как вести себя в доме мужа. Но она и сама слышала: для женщины естественно — служить мужу после свадьбы.

Говорят, выйдя замуж, должна следовать за мужем — таков закон, которому девушек с детства приучают.

Однако мысли Пэй Ланьчжи были совсем иными.

Может, дело в её характере, а может, потому что в семье Пэй детей никогда не учили ни «трём послушаниям», ни «четырёх добродетелям».

Хотя она и родилась в бедной, затерянной среди гор деревушке, её рассуждения превосходили взгляды многих.

От поля до дороги было рукой подать — там уже ждали плотник Пэй и Чжоу Юань.

Пэй Ланьчжи не стала больше ничего говорить, лишь ускорила шаг и сложила колосья пшеницы, что держала в руках, на телегу.

Чжоу Юань устроился спереди, на краю повозки, и окликнул их:

"Ну что, все на место! Поехали домой!"

Вся семья уселась на краю, среди душистых снопов. Чжоу Юань щёлкнул кнутом, старая жёлтая корова протяжно мыкнула и медленно двинулась вперёд.

За последние пару дней в деревне уже несколько раз прошёл дождь — река перед селом поднялась, воды стало куда больше. Те крестьяне, что раньше не торопились с уборкой, наконец не выдержали и теперь спешно выходили в поле.

Когда старая корова, гружённая доверху пшеничными снопами, шла по узкому междурядью, многие мужики поднимали головы и приветливо им махали.

Где-то вдали раздавались протяжные крики и песни — Хэ Чжэньшу таких раньше не слышал, но в этих незнакомых напевах было что-то, что будоражило сердце.

"Песня урожая" -сказал Чжоу Юань и, улыбнувшись, попробовал подхватить мотив.

Но слух у него явно был ни к чёрту: пел он фальшиво, и Пэй Ланьчжи шлёпнула его по затылку.

У конца деревни начиналась узкая, извилистая тропа — по ней повозка пройти не могла, пришлось объезжать другой дорогой.

Когда семья наконец въехала в деревню, они не успели проехать и пары дворов, как увидели — у одного дома у дороги собралась толпа.

Пэй Ланьчжи взглянула на толпу:

"Разве это не дом Лю? Что там опять случилось?"

Хэ Чжэньшу нахмурился — у него появилось какое-то нехорошее предчувствие.

Когда телега проезжала мимо ворот семьи Лю, Пэй Ланьчжи окликнула одного из зевак и спросила:

"Что там происходит?"

Тот ответил:

"Лю Лаосань дочку свою отчитывает. Разве не слышите? Девчонка Юньянь ревет в три ручья".

Подъехав ближе, они и вправду услышали из двора приглушённый женский плач. Казалось, девушка изо всех сил старалась сдерживаться, а поскольку дверь была закрыта, звуки доносились глухо.

"Что случилось?" - спросил Хэ Чжэньшу. "С Юньянь что-то не так?"

"А вы разве не слышали?" - вмешалась молодая женщина, с мягкими чертами лица и тихим голосом. "Юньянь в последнее время слишком часто бывает с Дунцзы. Говорят, на днях кто-то видел, как он помогал ей по хозяйству. Дяде Лю это не понравилось — считает, будто Юньянь ведёт себя неприлично".

Хэ Чжэньшу нахмурился ещё сильнее.

"Это не всё..." - добавила стоявшая рядом женщина. "Поговаривают, будто Юньянь даже к нему домой заходила. А ведь она ещё невеста не выданная — ходить к парню в дом, конечно, неприлично".

"Не наговаривайте" - возразил кто-то из толпы. "Я сам их видел. Юньянь вовсе не заходила, просто через дверь передала Дунцзы кое-что".

"А что это за «кое-что», что обязательно надо передавать лично?" - скептически фыркнула другая. "Если бы между ними ничего не было, Лю Лаосань разве стал бы так беситься?"

"Ну и что такого, если парень не женат, девушка не замужем, а друг другу понравились?" - сказала одна из женщин. "Дунцзы ведь всего-то моложе немного, парень честный и понятный, подождут пару лет — и можно пожениться".

"Да где там!" - возразила другая. "Лю Лаосань Дунцзы за зятя не признаёт. Только что, говорят, и побил его — велел, чтоб не смел больше к его дочке подходить".

"Верно" - подхватила соседка. "Я сама видела! Он ещё обругал мальчишку — мол, безматерный ублюдок, недостойн его дочери".

Толпа загомонила, каждый добавлял что-то своё. И вдруг из дома Лю с грохотом распахнулась дверь — Лю Саньшэнь вышла с тазом грязной воды и вылила его прямо на дорогу.

Люди поспешно отступили в стороны.

"А ну, разошлись!" - крикнула она, швырнув деревянный таз на землю. "Что уставились? Не видали, как детей воспитывают? Живо, по домам!"

Толпа немного рассеялась. Хэ Чжэньшу уже хотел спрыгнуть с телеги, но Пэй Ланьчжи удержала его за рукав:

"Это семейное дело Лю, нам, чужим, вмешиваться не к чему. Да и зная характер Лю Лаосаня — даже если ты попробуешь его урезонить, доброго слова не услышишь, только нагоняй получишь".

"Но..." - тихо сказал Хэ Чжэньшу.

Он знал: это всё недоразумение. Между Дунцзы и Юньянь точно не могло быть ничего постыдного.

И всё же Пэй Ланьчжи была права — чужая семья, чужие разборки, лезть туда он не имел права.

Подумав немного, он сказал:

"Тогда я хотя бы схожу, посмотрю, как там Дунцзы".

Дунцзы хоть и был моложе, но оставался одним из немногих его друзей в этой деревне.

Сколько бы жизней ни прошло, Хэ Чжэньшу помнил: когда он впервые сюда пришёл, никого не зная, именно этот мальчишка первым протянул ему руку.

Такое происшествие не могло не тревожить его.

Плотник Пэй кивнул:

"Иди, сходи. Мы тебя дождёмся к ужину".

"Спасибо, отец" - тихо ответил Хэ Чжэньшу.

....

Дом Дунцзы находился в другой стороне от дома Пэев. Хэ Чжэньшу слез с повозки и пошёл пешком.

Жил Дунцзы в небольшой глиняной хижине — когда-то вся деревня собрала денег и помогла её построить. Ни двора, ни забора, крыша покрыта соломой, деревянная дверь плохо сходилась, оставляя щель, и при каждом порыве ветра жалобно поскрипывала.

Хэ Чжэньшу подошёл к двери и тихонько постучал:

"Дунцзы, ты дома?"

Изнутри послышалось лёгкое шевеление, и дверь приоткрылась на узкую щёлку. Только тогда Хэ Чжэньшу увидел мальчишку.

На его лбу виднелась глубокая ссадина, опухшая и красная; уголок рта разбит, на щеке — тёмное пятно синяка.

Хэ Чжэньшу нахмурился.

Лю Лаосань, видно, не пожалел рук.

"Я слышал, что случилось у тебя с Лю" - мягко сказал он. "Пришёл проведать. У тебя, наверное, нет лекарств — я сейчас схожу, принесу мазь".

"Не надо" - ответил Дунцзы, с трудом сдерживая дрожь в голосе. Его глаза покраснели, будто он недавно плакал.

Он поспешно провёл рукавом по лицу, стирая слёзы, но говорил холодно и отстранённо:

"Я в порядке. Не стоит из-за меня беспокоиться".

Сказав это, он попытался захлопнуть дверь, но Хэ Чжэньшу успел прижать ладонью край створки:

"В таком состоянии тебе нельзя оставаться одному, ты же..."

Он замолчал — взгляд упал на перевернутую рядом с домом бамбуковую корзину.

Из неё высыпались кочаны капусты, баклажаны и прочая зелень, разбросанные по земле. Некоторые овощи были раздавлены ногами, перемешавшись с грязью.

Хэ Чжэньшу нагнулся, поднял перевернутую корзину и аккуратно сложил обратно те овощи, что ещё уцелели.

"Юньянь ведь принесла это тебе?" - спросил он тихо.

Он и правда вспомнил: несколько дней назад Юньянь говорила, что зайдёт к Дунцзы и принесёт немного овощей.

Но как-то так всё обернулось, что Лю Лаосань всё переврал — и из простой доброты вышел целый скандал.

Поставив корзину у порога, Хэ Чжэньшу вздохнул:

"Ты же знаешь, какой у третьего дяди Лю нрав. Через пару дней остынет — я поговорю с ним, всё объясню. Это ведь просто недоразумение, не стоит..."

"А что толку говорить сейчас?" - резко перебил его Дунцзы.

Хэ Чжэньшу опешил. Он ещё никогда не видел, чтобы мальчишка говорил с кем-то в таком тоне. Но, сдержавшись, спокойно продолжил:

"Понимаю, тебе обидно. Тебя несправедливо осудили, хотя ты ведь просто хотел помочь. Всё это не должно было кончиться так".

Вот почему он и пришёл — потому что не мог смотреть, как доброго, искреннего мальчишку втянули в чужие сплетни и наказали ни за что.

Помочь, протянуть руку — ведь в этом нет преступления. А быть оклеветанным и непонятым... что это за чувство, он знал слишком хорошо.

Хэ Чжэньшу снова тихо вздохнул — хотел что-то сказать, но вдруг услышал, как Дунцзы глухо произнёс:

"О том, что я помогал сестре Юньянь... в деревне почти никто не знал".

"Что?" - не понял он сразу.

Дунцзы отвёл взгляд, голос у него дрогнул:

"Это ведь ты всем рассказал, да?"

Хэ Чжэньшу замер.

Вот оно что — откуда столько колючек в словах мальчишки. Тот подумал, будто он, Хэ Чжэньшу, распустил языком и навлек на него гнев Лю Лаосаня.

Ему даже стало смешно от возмущения:

"Если бы это был я, - сказал он, стараясь говорить спокойно, - стал бы я тогда специально приходить тебя проведать?"

Дунцзы упрямо вытянул шею, голос стал жёстким:

"Ты просто пожалел меня".

Хэ Чжэньшу невольно осёкся.

"Я знаю, — Дунцзы выдохнул, и глаза у него опять налились слезами, — вы все меня презираете. Думаете, я жалкий, без матери, нахлебник, живу за счёт деревни... Думаете, я только и мечтаю перенять мастерство у старика Пэя".

Он резко провёл рукавом по лицу, стирая слёзы:

"Но что мне делать? У меня ведь нет выбора".

"Я... я вовсе не так думал" - тихо сказал Хэ Чжэньшу.

Хэ Чжэньшу хуже всего переносил чужие слёзы. Голос его стал мягче, почти шёпотом:

"Дунцзы, ты ведь мой первый друг в этой деревне. Я никогда не смотрел на тебя свысока и уж тем более не стал бы предавать".

Дунцзы долго молчал.

Слёзы текли всё сильнее, и, не выдержав, он резко захлопнул дверь прямо перед Хэ Чжэньшу, оставив того за порогом.

"Уходи" - донёлся изнутри глухой, сдавленный голос. "У меня в деревне нет ни родни, ни заступников. Раз уж так вышло — значит, сам виноват. Не вмешивайся".

Упрямец!

Этот парень всегда казался смышлёным, весёлым, со всеми ладил — кто бы мог подумать, что в нём столько упрямства!

Хэ Чжэньшу терпеть не мог, когда его неправильно понимали, а терпения уговаривать — тем более не имел. Сердце у него вспыхнуло раздражением.

Он уже набрал воздуха, чтобы сказать что-то резкое, но в этот момент сзади раздался оклик:

"Хэ Чжэньшу!"

Обернувшись, он увидел, как издали подходит Пэй Чанлин.

Тот, едва приблизившись, уловил что-то неладное в напряжённой тишине между ними и спросил:

"Что случилось?"

"Ничего" - коротко ответил Хэ Чжэньшу. Ему не хотелось объяснять. Он бросил последний взгляд на обшарпанную дверь, за которой прятался Дунцзы, и, стиснув губы, повернулся.

"Пойдём домой. Сегодня я, видимо, зря влез не в своё дело".

"Но..." - начал было Пэй Чанлин.

Хэ Чжэньшу не дал Пэй Чанлину договорить — решительно схватил его за рукав и потянул прочь.

Только когда их шаги стихли вдали, в тесной соломенной хижине послышался приглушённый, сдерживаемый плач юноши.

....

Хэ Чжэньшу всё ещё кипел от раздражения, шёл быстро, почти на автомате, пока вдруг рядом не раздалось запыхавшееся:

"Если ты будешь так нестись, я задохнусь".

Он очнулся, тут же остановился и поспешно обернулся:

"Прости! Прости, я не заметил!"

"Всё в порядке" - Пэй Чанлин дышал немного тяжело, но выглядел собранным. Сделав глубокий вдох, он выровнял дыхание и спросил: "Пошёл навестить человека, а вернулся сам злой как черт. Что там случилось?"

Хэ Чжэньшу отвёл взгляд в сторону.

На самом деле ничего особенного. Просто он не привык к таким людям — тем, кого нужно успокаивать, кому нужно объяснять, уговаривать, терпеть обиды.

Раньше всё было иначе.

Раньше это другие мирились с ним, старались угодить ему, смягчить острые углы.

"Вот и урок тебе" - недовольно буркнул Хэ Чжэньшу. "Впредь не лезь в чужие дела. Особенно к подросткам — с ними же с ума сойти можно, всё время их надо уговаривать, объяснять, а толку ноль".

Пэй Чанлин тихо усмехнулся:

"Если уж на то пошло, ты ведь сам тоже подросток".

"Кого ты ребёнком назвал?" - возмутился Хэ Чжэньшу. "Я старше тебя!"

"Всего на три месяца" - лениво напомнил Пэй Чанлин.

"Всё равно старше!" - упрямо сказал он.

После этой короткой перепалки злость как рукой сняло. Хэ Чжэньшу вздохнул, плечи его чуть опустились:

"Дунцзы и правда жалко. Один в деревне, ни родных, ни заступников, обидели — и некому за него слово сказать. Мне не стоило злиться на него".

Пэй Чанлин улыбнулся уголками губ:

"Кто сказал, что за него никто не вступится?"

"А?" - Хэ Чжэньшу удивлённо обернулся.

"Я, пока шёл сюда, - протянул Пэй Чанлин со спокойной усмешкой, - видел тётушку Ван. Шла вся красная от злости, прямиком к дому Лю. Похоже, только что услышала, что случилось". Он прищурился и добавил: "Чует моё сердце, там сейчас разразится настоящий переполох".

Глаза Хэ Чжэньшу тут же загорелись, но Пэй Чанлин строго посмотрел на него:

"И не вздумай бежать смотреть, что там. Отец с сестрой и зятем тебя ждут к ужину".

"О... - протянул он с лёгким разочарованием, потом всё же спросил, - так ты, выходит, специально пришёл только чтобы позвать меня домой?"

Пэй Чанлин покачал головой.

Он достал из-за пазухи небольшой глиняный флакон:

"Отец услышал, что Дунцзы избили, и подумал, что у него, наверное, нет лекарств. Попросил меня отнести мазь. Только вот..."

Он замялся — ведь не успел даже постучать в дверь, как Хэ Чжэньшу потянул его прочь.

Так что лекарство так и не дошло до адресата.

Хэ Чжэньшу смущённо замолчал.

"Тогда, может... — он прикрыл лицо рукой, — может, ты всё-таки сходишь и отдашь?"

"Не стоит" - спокойно ответил Пэй Чанлин, убирая флакон обратно. "Раз тётушка Ван уже узнала обо всём, она наверняка потом заглянет к Дунцзы сама".

"Тоже верно" - кивнул Хэ Чжэньшу, задумавшись. "Я ведь и сам говорил — этот упрямец слишком всё близко к сердцу принимает. А ведь многие к нему относятся по-доброму".

И правда: тётушка Ван всегда заступалась за мальчишку, помогала чем могла; да и Пэй-отец относился к нему с теплотой. Пусть и не согласился взять в ученики, но, узнав, что тот, возможно, ранен, сразу велел отнести лекарство.

Да что уж там — даже у ворот дома Лю ведь нашлось немало людей, кто заступился за Дунцзы.

"Ладно, пойдём домой, - сказал Хэ Чжэньшу, - всё, что он сегодня наговорил было сгоряча. Не стоит принимать близко к сердцу".

Он собирался уже идти дальше, как вдруг почувствовал, что кто-то задержал его за рукав.

Пэй Чанлин стоял на месте, чуть поникший, с каким-то неловким выражением:

"Я вышел искать тебя... не только из-за лекарства".

Хэ Чжэньшу обернулся. По тому, как тот говорил, он уже догадался, к чему идет разговор.

"Старшая сестра сказала, - начал Пэй Чанлин, опуская взгляд, - если я тебя разозлил, должен сам прийти и помириться".

Он на мгновение замялся, словно подбирая слова, потом тихо продолжил:

"То, что случилось тогда... это была моя ошибка. Я не должен был тебя обидеть. Я просто..."

Он прикусил губу, не находя продолжения. Кончики ушей его мгновенно залились краской.

И всё же, собравшись с духом, он поднял глаза и прямо, серьёзно посмотрел на Хэ Чжэньшу:

"Прости меня. Можно... ты больше не будешь на меня злиться?"

<http://bllate.org/book/14476/1280781>